

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-443-448

**СОЦИОКОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
В ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ****SOCIOCODE AND TECHNOLOGIES OF INFORMATION STORAGE
IN PRIMITIVE CULTURES****С.Н. Борисов¹, К.И. Черкесова²
S.N. Borisov, K.I. Cherkessova**¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85²Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Королева, 7¹Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia²Belgorod State Institute of Art and Culture, 7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: snborisov31@gmail.com; fin@bgiik.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема передачи и сохранения информации в первобытной культуре. Авторами выявляется противоречие между механизмом подражания и механизмом речевого кодирования знания. Подражание успешно справлялось с задачей наследования и передачи простых орудийных навыков. Речь возникает как дополнительная система наследования знания, которая через механизм инициации и именное кодирование несла исключительно «человеческую» нагрузку и была ответственна за возникновение человека. При этом речь-миф включил в себя противоречие имитационных механизмов и речевого кодирования, ставшее противоречием между ограниченным во времени телесным автоматизмом и вневременным знаком.

Abstract

The article deals with the problem of transmission and preservation of information in primitive culture. The authors reveal a contradiction between the imitation mechanism and the mechanism of speech coding knowledge. Imitation successfully coped with the task of inheritance and transfer of simple gun skills. Speech arises as an additional system of inheritance of knowledge, which through the mechanism of initiation and nominal coding carried exclusively "human" load and was responsible for the emergence of man. At the same time, the speech-myth included the contradiction of imitation mechanisms and speech coding, which became a contradiction between the limited in time bodily automatism and the timeless sign. The main contradiction unfolds between knowledge and activity, which dialectically interact with each other in mutual transformation. Activity through the personal experience of the name bearer corrects knowledge, which, in turn, allows you to inherit the accumulated experience of activity for the next generation. The head of a concrete person, the immediate bearer of a name and an agent, as well as the bearer of cumulative knowledge - the elders, is the bearer.

Ключевые слова: миф, знание, деятельность, речь.**Key-words:** myth, knowledge, activity, speech.

Само использование понятия М.К. Петрова «социокод» в названии нашей статьи обязывает к культурно-исторической трактовке проблемы знания, а также вниманию к проблеме его сохранения и передачи. При этом отметим, что знание и информация отличаются личностной и культурной обусловленностью первого и отчужденным характером второго. Говорить об информации стоит тогда, когда речь идет о том, что уже подверглось кодированию. Знание же является извлеченной информацией в голове человека, информацией присвоенной,

соединенной с опытом и культурой, контекстом жизни и деятельности. Любая экстериоризация знания и деятельности связана с кодированием и такой первичной системой является естественный язык, речь человека. И здесь нам необходимо обратиться к ранней истории человечества и проблеме возникновения человека в контексте появления и развития речи.

Сразу отметим, что большинство теорий происхождения человека не относят указанную выше связь между появлением человека и возникновением речи как определяющую. По большей части приоритетным является деятельность. В.П. Римский так выделяет сущностное ядро эволюционных теорий: «Исходная позиция, которая объединяет почти все эволюционистские концепции антропосоциогенеза в западной или отечественной науке (в том числе и богословские теории «направленной эволюции») без исключения, следующая: возникновение человека и человеческого общества можно объяснить на основе исследования процессов трансформации биологических предпосылок в специфические формы человеческой деятельности, в которой сознательный коллективный труд выступает субстанцией новой антропологической формы жизни...» – и далее на этой основе возникают вариации теорий происхождения человека, выстраивающиеся вокруг соотношения и различия между инстинктивной деятельностью предков человека и сознательным человеческим трудом – «Проблемой, конституирующей альтернативы, является различие «первых живоотнообразных инстинктивных форм труда» (Маркс) и сознательного, общественного труда, конкретно-исторических, в которых становится возможным человеческий труд» [Римский, 2003, с.55].

А в некоторых теориях даже и не труд, а стратегии размножения, запускающие более продвинутые комплексы выживания, объединяющие в единую систему способ размножения, среду обитания, способ передвижения (прямохождение у гоминид), объем головного мозга (соответствующий стратегии размножения) и, наконец, необходимость сообщества для трансляции навыков и орудийная деятельность. Такую взаимосвязь описывают Д. Джохансон и М. Иди, излагая теорию О. Лавджоя [Джохансон, 1984, с. 227–253]. Как подчиненные социальным стратегиям рассматривает репродуктивные модели поведения гоминид М.Л. Бутовская, которая пишет: «Уже на ранних этапах эволюции гоминид половое поведение перестало ограничиваться только репродуктивной функцией. Роль сексуального поведения существенно возросла (отчетливые предпосылки к этому явлению наметились уже у приматов)... Половое поведение у гоминид тесно переплетается с их ежедневной социальной активностью, а элементы полового поведения могут применяться для предотвращения и торможения агрессии, установления и налаживания дружелюбных отношений» [Бутовская, 1993, с.128].

Вместе с тем вопрос о человеческом (появлении человека) остается открытым вне антропологического дискурса или при переходе к дискурсу философскому и культурологическому, которые не ограничиваются аспектами прямохождения, объема мозга, строением тела и прочими физиологическими маркерами homo. Более важным и бесспорным является наличие культуры, которая отражается в соответствующих артефактах (наскальных изображениях и предметах культа) и, что важно, ясно говорит о наличии развитых систем коммуникации. А.В. Марков берет в кавычки фразу в названии раздела «Три дырявые ракушки и начало «подлинно человеческой» культуры» [Марков, 2011, с. 238–239], говоря о перенесении датировки такого начала с верхнепалеолитической революции, датируемой 45–35 тыс. лет назад, отодвигая появление человека гораздо ранее, около 200 тыс. лет назад. И первыми найденными свидетельствами культуры, а значит, и человека, являются перфорированные ракушки, найденные археологами в погребениях.

Во многом о том же пишет и Б.Ф. Поршнев во введении к своей работе «О начале человеческой истории». Отталкиваясь от материалистического понимания исторического процесса, основным принципом которого является ускорение развития, Б.Ф. Поршнев четко ставит вопрос начала человеческой истории, отвечая на него предельно конкретно. Началом человеческой истории следует считать прекращение действия закона естественного отбора: «У человека процесс морфогенеза со времени оформления Homo sapiens в общем прекратился. При этом законы биологической изменчивости и наследственности, конечно, сохраняются, но отключено действие внутривидовой борьбы за существование и тем самым отбора... Иначе говоря, почему забота о нетрудоспособных, посылная защита их от смерти стали отличии-

тельным признаком данного вида? Ответ гласит: вследствие развития труда. Взаимосвязь, как видим, не простая, а диалектическая – труд спасает нетрудоспособных. Мостом служит сложнейшее понятие общества» [Поршнева, 2007, с. 29]. Отличительными признаками человека становятся труд, мышление, социальность и речь. При всех критических выпадах о наличии «почти того же самого» в животном мире эти признаки позволяют определить человека как человека в толще истории, как и само ускорение этого развития. Убегания от этого самого начала. Эта идея весьма интересна, поскольку также позволяет выявить различия между миром животных и человека, которые будут связаны с темпом изменений в обоих мирах.

При этом Б.Ф. Поршнева критически оценивает такие отличительные признаки человека как прямохождение (предок человека, ходящий прямо, еще не человек), а также производство орудий (здесь вообще возможны параллели с животными, использующими предметы для своих нужд). Все они скрывают то, что ученые пытаются найти и обосновать, мышление человека: «Итак, все попытки добиться от палеолитических каменных орудий ответа на вопрос об основном отличии человека от животных построены на желании видеть в древних каменных орудиях своего рода скорлупу, раздавив которую мы найдем понятие «труд», которое в свою очередь – скорлупа, скрывающая суть дела, ум, психику человека» [Поршнева, 2007, с. 35]. Неоднозначность этой связи и представляет проблему нахождения человеческого.

Более очевидный признак – речь. Именно она с полной очевидностью свидетельствует о существовании человека. Б.В. Поршнева указывает на необходимость принципиального различия сигнальной системы животных и человека. Она заключается в том, что сигналы животных жестко привязаны к тому, о чем они сигнализируют. Так крик об опасности говорит об опасности. Человеческая коммуникация опирается на знак, который не связан с тем, что он означает. Эта произвольность была определена Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики» как произвольность между означающим и означаемым [Соссюр, 2004]. Знаки не соотносятся с тем, что они означают, но также могут заменять друг друга или отрицать. Возникает автономная сфера значений, которые хоть и обусловлены объективной реальностью, но непосредственно с ней не связаны, образуя символическое как сугубо человеческое. С тем уточнением, что первичной для этой сферы является именно речь. Этот вывод Б.Ф. Поршневу позволяет сделать обращение к работам Л.С. Выготского и продолжение его идей в трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина и Д.Б. Эльконина. Вначале речь, а потом мышление как интериоризированная и присвоенная речь: «Мышление, сознание, воля, личность – это не другие наименования речевой функции, но это ее сложные производные. Без речи нет и не могло бы быть мышления, сознания, воли, личности» [Поршнева, 2007, с. 104].

Разрабатывая далее вопрос соотношения речи и мышления, Б.Ф. Поршнева отмечает различие между первой и второй сигнальными системами. Отмечая тормозящий характер последней, выражающийся в суггестии и контрсуггестии: «Внушение и есть явление принудительной силы слова. Слова, произносимые одним, неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию...» [Поршнева, 2007, с. 131]. Поскольку одна из функций знака – побуждать к действию, за его озвучиванием следует его декодирование, и далее возникает дилемма исполнения или запрета на исполнение. Причем обращение к психологии показывает, что первичен как раз отказ, запрет на выполнение внушаемого, и только потом, через его преодоление внушение осуществляется. Таков механизм реализации второй сигнальной системы. Вот вывод, к которому приходит Б.Ф. Поршнева: «... второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней – инфлюативного и информативного, причем первый в свою очередь делится на первичную фазу – интердиктивную и вторичную – суггестивную» [Поршнева, 2007, с. 136].

Ключом к пониманию проблемы языка и действия (деятельности) оказывается механизм подражания, который Б.Ф. Поршнева определяет так: «... подражание или имитация, если и безусловный рефлекс, то особого рода, эволюционно очень древний, т. е. присущий уже относительно низким этапам развития головного мозга и животного царства. Однако в восходящем ряду животных этот древний инстинкт в некоторых случаях обновлялся и изменялся. Его можно разделить на зрительно-двигательную имитацию и слухо-вокативную имитацию. Обе формы основаны на одинаковом принципе: зрительное или слуховое восприятие

двигательного или голосового поведения другой особи непосредственно порождает у данной особи такой же поведенческий акт» [Поршнева, 2007, с. 211].

Сегодня о подражании известно больше, современные исследования позволили выявить физиологическую основу подражания [Rifkin, 2009]. Подражание также на вне языковом уровне служит для передачи навыков, научению молодых поколений старшими. Анализ феномена имитативности позволил сделать вывод о том, что ископаемые троглодиты были максимально имитативны. Эта имитация носила автоматический характер, о чем свидетельствуют находки древних орудий труда, и мало чем отличалась от деятельности животных, которые также научаются преобразованию внешнего мира. Отгалкиваясь от примера производства орудий труда, Б.Ф. Поршнева пишет: «Следует, напротив, полагать, что количественные пропорции вариантов воспроизводились более или менее одинаково при смене поколений, вернее, в непрерывной цепи стареющих и подрастающих, с такой же бессознательностью, с такой же автоматичностью, с какой в живой природе воспроизводятся многие сложные акты поведения и материальные предметы (норы, гнезда, межевые признаки, делящие охотничьи угодья, плотины), но с неизменно возросшей ролью фактора прямого имитативного контакта» [Поршнева, 2007, с. 224–225]. Сама возможность подражания была обусловлена и ограничена одновременно непосредственным зрительным контактом производящего и обучаемого.

Чрезвычайно развитая имитативность сочеталась с не менее развитой стереотипностью. Б.Ф. Поршнева приводит расчеты по изменениям в производстве орудий на численность поколений. Так в нижнем палеолите изменения затягиваются на 50000 поколений, в среднем палеолите изменения происходят быстрее, и на долю даже небольших изменений приходится 200–300 поколений. При этом природа этих изменений не связана с работой сознания, творчества, мышления. Они могли быть связаны с изменениями среды обитания, случайными сбоями в трансляции шаблона и прочим, достаточно близким к изменениям, происходящим в мире животных. При этом сама интердикция как ключевой феномен для возникновения языка является таким сбоем, вернее, реакцией на сбой: «... при стечении благоприятных биологических условий, неадекватный рефлекс одного организма может провоцировать имитативный рефлекс у другого организма, тем самым отгесняя иные реакции и действия этого последнего. Соответственно мы и называем этот «нерациональный» физиологический акт интердикцией... Эта специфическая форма торможения образует фундамент, на основе которого возможен переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексy) ко второй – к человеческой речи» [Поршнева, 2007, с. 231–232].

Оставляя в стороне столь интересующие Б.Ф. Поршневу аспекты языковой суггестии ранних людей, отметим весьма незначительный характер трансформации имеющегося знания и его первую модель трансляции, опирающуюся на механизм подражания. Можно с уверенностью также утверждать, что далее темп изменений возрастает, что подтверждают данные, приводимые Б.Ф. Поршневым, и с появлением собственно речи, а следовательно и знака как способа экстерииоризации мысли и знания за пределы сознания, возникает возможность не только трансляции, но и трансмутации знания. И здесь мы позволим себе отойти от логики Б.Ф. Поршневу, чтобы сделать уточнение о том, что бинарная логика имитации – интердикции реализовывалась не столько на уровне взаимодействия отдельных людей или их предков, сколько на уровне коллективов. Имитативно-интердиктивные комплексы трансформируются в дуально-этнические отношения и речь как речь-миф: «... речь-миф выступает регулятором дуальноэтнического отношения... Речь-миф как исходная форма первобытного сознания и мышления выполняла регулятивную функцию (императивно-коммуникативную) в структурах дуальных организмов в форме индивидуальной и коллективной суггестии и запрета-пресечения» [Римский, 2003, с.79].

И именно в контексте такого понимания возникающей речи как речи-мифа, регулирующего коллективные отношения родов-этносов, раскрывается значение речи как способа трансляции знания и деятельности. Он не был уже столь жестко завязан на непосредственное наблюдение, но все еще основывается на имитации. Автоматизм соседствует с ритмичностью и сериацией, повторение уже известного и закрепленного в деятельности, но теперь отражающегося в речи-мифе. И если ранее «ошибка», приводящая к трансмутации знания-

деятельности, происходила на индивидуальном уровне, то теперь речь-миф с одной стороны страшит от этого, но с другой – возводит возможную «ошибку» на уровень коллектива. Но не стоит это понимать как «ошибки» в трансляции идеального или духовного, «ошибки» интерпретации или как герменевтические ошибки. Речь стоит вести скорее об умножении той телесности, которая смотрит, запоминает, воспроизводит, делает и в силу этого умножения возрастает возможность ошибки. Э. Кассирер пишет о множестве, заключенном в единичности мифологического сознания: «И снова миф демонстрирует, что ему чуждо как раз это разграничение, это разделение «индивидуума», «вида» и «рода» в смысле логической иерархии, «абстракции» и детерминации. Подобно тому, как в каждой части для него заключено целое, так и в каждом «экземпляре» рода перед ним непосредственно предстает сам род со всей совокупностью его мифологических признаков, т. е. его мифологических сил» [Кассирер, 2011, с.84]. Умножения как самих повторов, так и воспроизводящих, связанных телесностью мифа еще не идеального характера, но содержащего возможность такой идеальности. А.Ф. Лосев еще более усиливает момент такой телесности, говоря о животной телесности мифа: «Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [Лосев, 2001, с. 40–41].

Вопрос в том, как трансформируется миф и во что. Для ответа на этот вопрос обратимся к пониманию мифа у Р. Барта, который говорит о мифе сегодня, давая ему краткое определение: миф – это слово. И позволим себе привести его слова: «... поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных...» – и далее еще один признак, который сближает понимание мифа у Р. Барта с его пониманием у Б.Ф. Поршнева – «Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнутого-немного существования перейти в речевое состояние...» [Барт, 2008, с.265]. То есть современный миф по Р. Барту – это слово, и в отличие от мифа в его доисторическом варианте – только слово, обладающее суггестивностью. Причем наше временное определение мифа исходного как доисторического также не лишено определенного смысла, поскольку история – это также слово. Что вычитается из исходного мифа? Очевидно, прежде всего – действие. Действие, сериальность навыка, требующая непосредственного наблюдения. Это уходит. Оно становится лишним, поскольку действие кодируется словом. Возникает то, что М.К. Петров называл рецептурным знанием. Знание, которое указывает, как делать. И телесность уходит также в этом смысле. Пронизанность общим и единым автоматизмом также утрачивается. Возникает действительно речь-миф, вместо и на месте действия речи-мифа.

Речь-миф по М.К. Петрову вмещает в себя идущие из архаики ситуативные технологии, которые основываются на имитации и автоматизме, но также и существенно новое – профессионально-именной социокод. Последний уже имеет иную основу – практики инициации, которые кодируют и программируют человека в зависимости от его возраста, статуса в сообществе и деятельностной специализации. М.К. Петров описывает механизм этого накопления и изменения знания-деятельности следующим образом: «Имя выступает вневременной непрерывностью, концентратором и контейнером информации об обязанностях и поступках всех предшествующих носителей имени в различном комплексе ситуаций, т. е. чем-то очень близким к современному пониманию текста – к инструкции, например, или книге. В момент посвящения текст этот отчужден в память старейшин и уже на этом этапе неизбежно испытывает ряд трансформаций, обеспечивающих более или менее конъюнктурную переоценку имени от нужд момента и от наличных обстоятельств жизни племени... В момент передачи имени новому носителю возникает переоценка и трансформация текста имени, т. е. сдвиг значений и акцентов, который всегда направлен к более полному учету конкретной обстановки» [Петров, 1992, с. 19].

Главное противоречие разворачивается между знанием и деятельностью, которые диалектически взаимодействуют друг с другом по взаимной трансформации. Деятельность через личный опыт носителя имени корректирует знание, которое, в свою очередь, позволяет наследовать накопленный опыт деятельности следующим поколениям. Носителем выступает

голова конкретного человека, непосредственного носителя имени и деятеля, а также носителя совокупного знания – старейшины. Через наделение именем знание сегментируется и вновь собирается в мифе. И вслед за авторами монографии «Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова» [Римский, 2017, с. 100] зададимся вопросом о необходимости столь сложной схемы для трансляции ситуативных технологий. Подражание вполне справлялось с задачей наследования и справляется до сих пор в передаче простых орудийных навыков, необходимых в повседневной жизни. Получается, что дополнительная и гораздо более сложная система наследования знания через механизм инициации и именное кодирование несла исключительно «человеческую» нагрузку и была ответственна за ту «ошибку» (Б.Ф. Поршнев), которая привела к возникновению человека.

Но также можно отметить, что миф вмещает в себя и имитационные механизмы, и именное кодирование. Речь-миф тем самым оказывается внутренне противоречивым, содержит в себе еще одно диалектическое противоречие. Противоречие между телесным автоматизмом, ограниченным во времени и вневременным знаком в своем пределе священным [Борисов, 2016, с. 38–42]. Противоречие мифа (в собственном или исходном его значении) и речи (отметим отдельно, что еще не письма). Последнее хоть и существует всегда «здесь и теперь», в перманентном актуальном, но носителем всегда выступает живое и смертное тело членов сообщества. В речи уже присутствует необходимость другого, речь есть отчужденная мысль и переживание.

Список литературы

References

1. Барт Р. Мифологии. М., 2008.
Bart R. Mifologii. M., 2008. (in Russian)
2. Борисов С.Н., Осыка Я.М. Сакральное в современной культуре: подходы к определению и границы понимания // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61). С. 38–43.
Borisov S.N., Osyka YA.M. Sakral'noe v sovremennoj kul'ture: podkhody k opredeleniyu i granitsy ponimaniya // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2016. № 2 (61). S. 38–43. (in Russian)
3. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). М., 1993.
Butovskaya M.L., Fajnberg L.A. U istokov chelovecheskogo obshhestva (Povedencheskie aspekty ehvolyutsii cheloveka). M., 1993. (in Russian)
4. Джохансон Д., Иди М. Люси. Истоки рода человеческого. М., 1984.
Dzhokhanson D., Idi M. Lyusi. Istoki roda chelovecheskogo. M., 1984. (in Russian)
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II.: Мифологическое мышление. М., 2011.
Kassirer E.H. Filosofiya simvolicheskikh form. T. II.: Mifologicheskoe myshlenie. M., 2011. (in Russian)
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001.
Losev A.F. Dialektika mifa. M., 2001. (in Russian)
7. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М., 2011.
Markov A. Ehvolyutsiya cheloveka. V 2 kn. Kn. 1. Obez'yany, kosti i geny. M., 2011. (in Russian)
8. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов на Дону, 1992.
Petrov M.K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. Rostov na Donu, 1992. (in Russian)
9. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. СПб., 2007.
Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. SPb., 2007. (in Russian)
10. Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003.
Rimskij V.P. Mif i religiya: k probleme kul'turno-istoricheskoy spetsifiki arkhaischeskikh religij. Belgorod, 2003. (in Russian)
11. Римский В.П. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. М., 2017.
Rimskij V.P. Uchrezhdayushhaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala. M., 2017. (in Russian)
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004.
Sossyur F. de. Kurs obshhej lingvistiki. M., 2004. (in Russian)
13. Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. NY. 2009. (in Russian)